

В. В. МАВРОДИН

## К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ И РУССКОЙ НАЦИИ

### I

Изучая замечательное произведение И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», а также более поздние его работы, посвященные национальному вопросу и вошедшие в сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос»<sup>1</sup>, мы получаем драгоценный материал не только для решения общих методологических вопросов, но и для конкретного исследования. Одному из таких конкретных вопросов и посвящена настоящая статья. Я имею в виду проблему этнического складывания и развития восточного славянства, в частности — великорусской народности и русской нации. Вопрос этот в нашей литературе не только не разрешен, но даже и не поставлен в сколько-нибудь удовлетворительной форме<sup>2</sup>.

В своей статье я не претендую на разрешение вопроса, ибо, как правильно было указано, только мобилизация сил и историков, и этнографов, и языковедов, и литературоведов может обеспечить правильную разработку проблемы образования великорусской народности<sup>3</sup>. Я предложу только предварительную схему, рабочую гипотезу, удачную или неудачную — судить не мне.

Как сформировалось восточное славянство, каковы были пути его этногонии, какие этапы оно прошло в своем историческом развитии?

В поисках этнических предшественников славян мы углубляемся в тот период времени, когда на территории Европы ряд неолитических племен, еще не будучи славянами в собственном смысле этого слова, выступая лишь в качестве «протославян», т. е. этнических слагаемых, из которых в дальнейшем, в силу исторических условий, образуется славянство, вступает в связь друг с другом, и, на основе общности хозяйственного уклада и сношений между ними, устанавливается культурная и этническая общность или, во всяком случае, близость.

В формировании современных славянских народов приняло участие множество племен и народов древности. При этом основная линия этногенеза идет от дробности к целостности, от множественности к единству, не к расчленению единого пранарода с определенными, с самого начала сложившимися антропологическими (соматическими) и языковыми устойчивыми и неизменяющимися особенностями, а к объединению слабо связанных между собой этнических образований в великие семьи народов. Понятно, что такое сближение происходит и в отдаленные и в более близкие нам времена, чаще всего между племенами, близкими друг другу по образу жизни, уровню общественного развития,

<sup>1</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 290—367.

Его же, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1935, стр. 46—89 и др.

<sup>2</sup> «Об образовании централизованного русского государства» (К итогам дискуссии). Статья от редакции «Вопросы истории», № 11—12, 1946, стр. 9—10.

<sup>3</sup> Там же.

по быту, языку, культуре, что имеют место и обратные процессы, а именно расхождение, расчленение единого на дробное, разъединение, выключение племен, их частей или групп племен из этногонического процесса, их передвижения и переселения, поглощение ими других племен или ассимиляция, все новые и новые дробления, перемещения и скрещения. И каждое современное этническое образование является продуктом чрезвычайно сложного исторического процесса схождения и слияния, дробления и распада, переселений и перерождений, скрещений и трансформаций разнообразных этнических, т. е. языковых, расовых и культурных элементов.

Говоря о языковых параллелях, С. П. Толстов пишет: «Эти параллели, благодаря своему конкретно-материальному характеру, свидетельствуют о несомненных исторических связях между весьма отдаленными народами мира, отнюдь не сводимых к синстадиальности, не объясняющей лексические совпадения», и далее указывает: «Примитивность средств сообщения и экономическая замкнутость отдельных племен и этнических групп компенсировалась длительностью периода первобытной истории...»<sup>4</sup>.

Наличие связей между даже очень отдаленными друг от друга этническими образованиями далекой древности предполагает еще более тесные и регулярные связи между соседящими и близкими друг к другу племенами, что способствовало их слиянию в более крупные этнические массивы. Это, конечно, не исключает того, что «для всего периода доклассового общества действительно характерно то обстоятельство, что люди живут обособленными, более или менее мелкими ячейками», каждая со своим языком, ячейками, отдаленными обширными пространствами незаселенных земель<sup>5</sup>.

Необходимо также указать на то, что процесс этногонии отнюдь не прямолинейный и не ограничивается столбовой дорогой интеграции. А. Д. Удальцов совершенно справедливо отмечает, что «примером упрощенчества является сведение процессов этногенеза исключительно к явлениям объединения, этнической интеграции, к принципиальному отрицанию всякой возможности этнической дифференциации», ибо «... этнический процесс является синтезом этих двух тенденций, при котором движение от множественности к единству является лишь главным, определяющим, ведущим процессом»<sup>6</sup>.

Мы не будем в данной статье выдвигать те или иные, более или менее приемлемые гипотезы о возможных предках славян среди неизвестных по наименованию, но сохранивших нам свою культуру племен Европы или среди племен, имена которых до нас дошли, но осталась неизвестной их культура. Это нами сделано в других работах, и еще успешнее разрешали интересующую нас проблему другие советские исследователи<sup>7</sup>. Мы ищем и находим далеких, гипотетических предков

<sup>4</sup> С. П. Толстов, Проблема происхождения индоевропейцев, «Краткие сообщения» Ин-та этнографии АН СССР, в. 1, 1946, стр. 4—5. См. также сообщение о работе Г. М. Василевич, Древнейшие языковые связи народов Азии и Европы, Рефераты научно-исслед. работ за 1944 г. Отделения истории и философии АН СССР, стр. 47—48.

<sup>5</sup> Л. П. Якубинский, Образование народностей и их языков, «Вестник Ленинградского университета», № 1, 1947, стр. 140.

<sup>6</sup> А. Д. Удальцов, Теоретические основы этногенетических исследований, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», 1, № 6, 1944, стр. 261.

<sup>7</sup> А. Д. Удальцов, Основные вопросы происхождения славян, Сборник «Общее собрание Академии Наук СССР 14—17 октября 1944 г.», его же, Основные вопросы этногенеза славян, Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, М.—Л., 1947; его же, К вопросу о происхождении индоевропейцев, «Краткие сообщения» Ин-та этнографии АН СССР, в. 1; его же, Начальный период восточно-славянского этногенеза, «Исторический журнал», № 11—12, 1943; Н. С. Державин, Происхождение русского народа, 1944; его же, Об этногенезе народов Днепровско-Дунайского бассейна, «Вестник древней истории», т. 1, 1939; его же, Славяне в древности; М. И. Артаманов

славян, которых мы вправе назвать, пока не предложен другой термин, «протославянами» (так, впрочем, называют этнических предшественников славян и другие советские исследователи — М. И. Артамонов, Л. П. Якубинский, А. Д. Удальцов и др.), среди первобытного населения Восточной и Средней Европы не только эпохи бронзы и железа, но также позднего неолита, среди трипольцев, создателей лужицкой культуры, культуры лицевых урн и т. п., среди народов Геродотовой Скифии, хотя все они еще не были славянами, а только тем этническим субстратом, из которого сформировалось славянство. Но если говорить о том, когда эти далекие предшественники славян оформились как славяне (ибо процесс этногенеза следует рассматривать стадийно), то этот этап следует приурочить ко II—I вв. до н. э., к I—II вв. н. э., ко временам распространения культуры «полей погребальных урн», к тем временам, когда в Восточной и Центральной Европе распространяется славянская топонимика, к венедам Тацита, Птолемея и Плиния. В этот период основной линией этногенеза был процесс интеграции различных племен Восточной и Центральной Европы в единый славянский массив, что не исключало дифференциации и расселений. При этом славянские племена того времени, как, впрочем, и ранее, и позднее, включали в свой состав и ассимилировали иноязычные и инокультурные элементы, растворявшиеся в их среде, но все же привносившие в славянские языки и культуру особенности своих языков и культур.

С IV—V вв. начинается и в VI в. протекает уже очень интенсивно процесс дифференциации славянских племен, процесс их расчленения и расселения, связанного с включением славянства, вступившего в стадию «военной демократии», в «великое переселение народов». Ф. Энгельс отмечает, что когда в VI в. поступательное движение приостановилось, то «... речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом»<sup>8</sup>. Но и в этот период идет процесс интеграции, ассимиляции и скрещений. К эпохе «великого переселения народов» относится распад славянства на три ветви: восточную, южную и западную, причем первые две еще долгое время сохраняют следы своей бывшей близости.

Восточное славянство той поры делится на две группы: юго-западную, известную под названием антов, и северо-восточную, причем лес-

---

нов, Венеды, негры и будины в славянском этногенезе, «Вестник Ленинградского университета», № 2, 1946; его же, Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра, «Вестник Ленинградского университета», № 2, 1947; его же, Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. VI, 1940; П. Н. Третьяков, Некоторые вопросы этногонии восточного славянства, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. V, 1940; его же, Археологические памятники восточно-славянских племен в связи с проблемой этногенеза, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. II, 1939; его же, Северные восточно-славянские племена, сб. «Этногенез восточных славян», т. I; его же, Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. XIII, 1946; М. А. Тиханова, Роль Западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков н. э., «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. VIII, 1940; его же, Культура западных областей Украины в первые века нашей эры, «Этногенез восточных славян», т. I; Сборник «Этногенез восточных славян», т. I, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6; Т. С. Пассек, К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947; Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», т. I, 1939; его же, Ранняя культура восточных славян, «Исторический журнал», № 11—12, 1943; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства; его же, Древняя Русь, 1946.

<sup>8</sup> Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 344.

ные отсталые племена носят в себе элементы древнего этносубстрата и близки по быту племенам, из которых в дальнейшем сложатся балтийские и финно-угорские племена<sup>9</sup>.

В IV—V вв. на Левобережье и немного позднее на Правобережье Днепра начинают исчезать «поля погребений», что было обусловлено стягиванием антов в «великое переселение народов» и вторжением кочевников. С VI—VII вв. сюда, на юг, проникают северные лесные славяне со своей архаичной культурой городищ «роменского типа». Потомки антов, ранее проникавших на север, сливаются со своими северными сородичами в единый этнический массив<sup>10</sup>.

В VIII—IX вв. на Руси обитают различные племена восточных славян, причем многие из летописных племен являются союзами племен (напр., кривичи), тогда как другие остаются отдельными племенами (радимичи, вятичи), а третьи представляют собой уже не племенные, а территориальные политические объединения (поляне, волыняне). Племенные объединения отходят в область предания. Древнее племенное название — дулебы уступает свое место территориальному — волыняне. Племена летописи — это чаще всего сложные межплеменные образования, поглощавшие и сплавливавшие в единую компактную массу мелкие собственно племена. Даже радимичи и вятичи, повидимому, состояли из таких мелких племен.

Воспоминание об этих мелких племенах сохранил нам Географ Баварский, приводящий названия целого ряда восточно-славянских племен с патронимическими окончаниями. Географ Баварский не был русским и не жил на Руси, как составитель Начальной летописи, но зато он был современником русских племен (IX в.), само название которых было забыто во времена Ярослава Мудрого, когда начала складываться наша летопись. Так, например, Географ Баварский к востоку от гаволян, морачан, сербов, чехов и болгар помещает, кроме указанных выше, следующие племена: «Clopeani», «Sittici», «Stadici», «Nerivani», «Attorozi», «Eptaradici», «Vuillerozi», «Zabrozi», «Znetalici», «Aturezani», «Chozirozi», «Lendizi», «Thafnezí», за которыми идут хазары, русы, угры и другие тюркские и финские племена<sup>11</sup>. Пусть Географ Баварский, по мнению некоторых исследователей, — источник сомнительный, но человек, так внимательно изучавший славянский мир и его соседей, с целью дать материал, могущий стать чем-то вроде «Стратегикона» для борьбы немцев со славянами, а потому интересовавшийся числом городов у каждого славянского племени, не мог выдумывать, а писал, очевидно, на основе рассказов западнославянских и немецких купцов. Поэтому я придаю большое значение его сообщениям, хотя и не считаю возможным локализовать каждое из упоминаемых им племен и объявить «Zwíreani» «свирынями» с реки Свири, а «Zabrozi» — «запорожцами», как это имело место в исторических исследованиях.

Типичные патронимические окончания наименований славянских племен — «ичи», совпадение некоторых названий с наименованиями русских племен у летописцев — все это заставляет нас внимательно отнестись к такому источнику первостепенной важности, как Географ Баварский, ценному и малоизученному, и воздержаться от его гиперкритики. За последнее время в нашей исторической науке были сделаны

<sup>9</sup> См. указ. выше работы П. Н. Третьякова и статьи Н. Н. Воронина, П. А. Сухова и Я. В. Станкевича в сборнике «Этногенез восточных славян», «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6.

<sup>10</sup> П. Н. Третьяков, Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. XIII; см. также другие указанные выше труды того же автора.

<sup>11</sup> Шафарик, Славянские древности, т. II, кн. III, прил. XIX, стр. 70.

удачные попытки обратить внимание на этот забытый источник и извлечь из него все, что он может дать<sup>12</sup>.

В VIII—IX вв. в передовых землях Руси племенной строй отмирает, уступая свое место государству. Прежнее этнокультурное и языковое единство восточных славян дополняется единством политической жизни.

Общественное развитие, результатом которого было создание древнерусского государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы. Укрепление на территории Восточной Европы государственности, находящейся в руках русской варварской феодализирующей, а позднее уже чисто феодальной верхушки, имело огромное значение в формировании русского народа.

Я полагаю, что правильнее будет употреблять по отношению к этническим образованиям, возникающим в дофеодальный период, в период ломки племенного строя и образования «варварских государств», в эпоху разложения первобытно-общинных и возникновения феодальных отношений, термин «народ», употребляя его не в смысле «народ» — трудящиеся массы, а в качестве этнической категории. Употребляя термин «народ», а не «народность», мы этим самым устраняем путаницу, которая может возникнуть, поскольку термин «народность» будет применяться в дальнейшем по отношению к этническому образованию иной эпохи и иного характера («русский народ» — IX—XII вв., «народности» великорусская, украинская, белорусская — XV—XVI вв.). Поэтому я принимаю по отношению к киевскому периоду истории восточного славянства термин «русский народ», а не «древнерусская народность», как это имело место в моих работах «Образование древнерусского государства» и «Древняя Русь». Это соответствует прежде всего самому народному сознанию, каким оно отразилось в письменности и фольклоре<sup>13</sup>.

Киевское государство объединило восточнославянские племена в единый политический организм, связало их общностью политической и экономической жизни, культуры, религии, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русского народа.

Развивающиеся торговые связи между отдельными городами и областями Руси, сношения между русским населением различных земель, установившиеся в результате «нарубания» воев, хозяйничания и управления княжих «мужей», расширения и распространения княжой государственности и доменной администрации, освоения княжой дружиной, боярами и их «отроками» все новых и новых пространств, полюдье, сбор дани, суд, переселения по своей инициативе и волей князя, расселение и колонизация, совместные поездки, походы и т. д. — все это в совокупности быстро разрушало первобытную языковую и культурную племенную и территориальную разобщенность. В племенные и областные диалекты проникают элементы диалекта соседей, в быт населения отдельных земель — черты быта русского и нерусского «людыя» других мест и т. д. Речь, обычаи, нравы, быт, порядки, религиозные представления, сохраняя много отличного, в то же время приобретают общие черты, характерные для всей русской земли.

Эти изменения в сторону единства в этнокультурном облике славянского населения Восточной Европы идут прежде всего по линии установления общности языка, так как основой этнического образования является язык. Этногония и глоттогония — различные стороны одного и того же процесса.

Два фактора определяют народ как этническое понятие:

<sup>12</sup> М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, «Ученые Записки» МГУ, вып. 99; Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, стр. 99.

<sup>13</sup> См. рецензию Н. Л. Рубинштейна, «Вопросы истории», № 8—9, 1946, стр. 128; А. Д. Удадьцов, Теоретические основы этногенетических исследований, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», 1, № 6, 1944.

- 1) общность языка (отнюдь не исключаяющая при этом диалекты) и
- 2) сознание единства всех людей, говорящих на данном общем языке.

Еще в племенных диалектах наблюдаются явления, свидетельствующие о развитии их в сторону некоего единства. Еще в древности, на самой заре русской государственности, со времен возвышения Киева, говор полян, «яже зовомая Русь», впитавший в себя элементы языков пришельцев в эту местность славянского и неславянского происхождения, выдвигался в качестве общерусского языка.

В древней Руси, стране городов, «Гардарик» скандинавских саг, в IX—XI вв., в результате развития ремесл и торговли и роста городов, в которых сосредоточивается подвижная господствующая знать: князь, дружинники, купцы и т. д., — происходит процесс интенсивного выделения городского диалекта, носящего общерусский характер и отличающегося от пестрых племенных диалектов, сохраняющихся еще долгое время в деревнях. Язык горожанина, и прежде всего представителя полупатриархальной-полуфеодальной знати, отличается все больше и больше от языка «сельского людя». Знать, выступающая в византийских и восточных источниках под названием «росов» или «русов», говорит одним и тем же языком в Киеве и Новгороде, на Белоозере и в Переяславле, на Оке и в Прикарпатье. В этом языке знати и горожан сглажены племенные диалекты, прослеживаются и заимствования из других языков.

Русская дружинная и купеческая верхушка, впитавшая в себя различные племенные элементы, но имевшая своим центром Киев, вырабатывает особый диалект, более сложный и богатый, нежели сельские диалекты, диалект, в основу которого был положен язык «Руси», т. е. Киева, земли полян.

Так рождался общерусский язык, точнее — общий разговорный древнерусский язык<sup>14</sup>

Вторым источником формирования последнего был язык народного эпоса (песен, сказаний, былин), необычайно распространенного в древней Руси, язык, характерный отвлеченными понятиями, стандартами и элементами чужеземного эпоса, неизвестными речи деревенского населения, язык «боянов», «соловьев старого времени».

Третьим руслом формирования общерусского языка был язык правовых документов и норм, языка деловой литературы, возникшей еще до «Русской Правды», во времена «закона русского», если не раньше. Он вырос из разговорной речи, но специфика его, особое содержание и употребление главным образом все той же верхушкой сделала его наддиалектным.

Этот язык знал письменность. Ею были те «роушкыи письмены», которые видел Константин Философ (Кирилл) в Херсонесе во время своей хазарской миссии и ибн-Фадлан на Волге, те «черты и резы», которыми славяне в древности «чътяху и гадаху» (Черноризец Храбр) и которые мы можем наблюдать на обломках глиняной посуды и в сочинении ибн-Абн-Якуб-Эль-Недима, те письмена, которыми были записаны «закон русский» и договоры Руси с Византией. Но создан ли в период существования этой письменности древнерусский литературный язык — мы не знаем. Когда на территорию древней Руси проник в качестве языка богослужений и «книжности» древне-церковнославянский язык, язык

<sup>14</sup> Не могу согласиться с мнением Н. Л. Рубинштейна, отрицающего наличие общерусского разговорного языка («Вопросы истории», № 8—9, 1946, стр. 112). Он задает недоуменный вопрос: «Какие имеются данные об общерусском разговорном языке?» Что мы о нем знаем? Спешу удовлетворить его законное любопытство и ссылаюсь на след. работы: А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, стр. 77—78 и др.; Ф. П. Филин, Очерк истории русского языка до XIV столетия, «Ученые записки Педагогического института им. Герцена», т. XXVII, стр. 88—108; В. В. Виноградов, Основные этапы истории русского языка, «Русский язык в школе», № 3, 1940, стр. 4—5.

письменности, появившейся на Руси задолго до принятия христианства и пользовавшейся народной речью, он не мог стать единственным языком древнерусской письменности, так как хотя был и не чуждым, но чужим.

Поэтому уже в XI в. оформился древнерусский литературный язык, в основу которого легли древне-церковнославянская письменность и древнерусский разговорный язык. Питающей средой древнерусского литературного языка являлись диалекты восточных славян и древне-церковнославянский язык, впитавший в себя элементы языков народов Средиземноморья. Этим и объясняется исключительное богатство древнерусского литературного языка, высокий уровень развития его, языка с богатой стилистикой и семантикой.

Итак, налицо первый фактор, определяющий собой единство русского народа — язык.

Остановимся теперь на втором — на сознании единства.

Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши источники (а они отражают мысли людей древней Руси), достаточно даже поверхностного знакомства с древнерусскими преданиями (а они отражают идеологию народа), чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, любви к родине, само понятие родины, земли Русской, какое большое, всеобъемлющее понятие вкладывали они в слова «Русь», «Русская земля».

Яркими памятниками древнерусского патриотизма, отражающими чувство национального самосознания русского народа, являются и «Повесть временных лет», «Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача першее княжити, и откуда Русская земля стала есть» и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, и «Память и похвала» Иакова Мниха, и «Слово о полку Игореве», и другие жемчужины древнерусской литературы. Они проникнуты чувством любви к земле русской, они с гордостью говорят о своем русском народе, о его славных богатырских делах. Сознанием единства русской земли, единства русского народа от «Червенских градов» до Тмутаракани, от Ладоги и до Олешья проникнуты произведения «книжных» людей киевской поры. Это сознание единства является величайшим вкладом киевского периода в историю всех трех братских славянских народов Восточной Европы, имевших одного общего предка — русский народ времен Владимира, Ярослава и Мономаха.

В это же время складывается единство культуры от Перемышля и Берладу, от Малого Галича и Бельза до Муром и Рязани, Ростова и Владимира, от Ладоги и Пскова, Изборска и Белоозера до Олешья и Тмутаракани; единство, проявляющееся буквально во всем — от архитектуры до эпоса, от украшений и резьбы по дереву до свадебных обрядов, поверий, песен и поговорок; единство, роднящее еще и в наши дни гуцула и лемка Карпат с русским крестьянином Мезени и Онеги, белоруса из-под Гродно с жителем рязанских лесов. И в этом единстве мы также усматриваем великое наследие киевского периода в русской истории. И сознание единства, память о том, что во Львове, Галиче, Бересте, Холме, Перемышле, Прящеве, Хусте, Ужгороде, Киеве, Минске, Полоцке живут те же «русские», что и во Владимире, Твери, Новгороде, Смоленске, Ярославле, Суздале, связанные общим происхождением, близостью культуры и языка, общностью религии, историческими традициями киевских времен, — никогда не исчезало из самосознания великорусского, украинского и белорусского народов, и не могли изгладить его ни страшное Батыево нашествие, ни безмерно тяжкое татарское иго, ни вековое господство литовских и польских панов, венгерских магнатов, молдавских бояр, ни годы лихолетья, ни тяжкие испытания, выпавшие на долю всех трех ветвей великого народа русского. То общее, что объединяет великорусса, украинца и белоруса, есть ре-

зультат незыблемых связей, установившихся между населением различных уголков Руси еще на заре истории русского народа и его государства.

На основе древних связей и традиций, на базе этнической общности восточного славянства, в условиях возникающего древнерусского государства, на основе общности языка, обычаев, быта, законов, религии, идеологии, на основе единства материальной и духовной культуры, единства на международной арене, совместной борьбы за «землю и веру русскую» начинает возникать сознание единства русского народа<sup>15</sup>.

Но в XI в. начинается, а в XII в. окончательно устанавливается феодальная раздробленность. Процесс слияния восточного славянства в единый народ приостанавливается, замедляется, затем прерывается. Старые языковые и этнокультурные особенности, унаследованные от племен и земель Руси, не ликвидированные общностью киевских времен, усложняются новыми особенностями, возникающими в период феодальной раздробленности и обусловленными экономической и политической изолированностью русских княжеств того времени. Создаются этнические образования, соответствующие крупным «самостоятельным полугосударствам» (И. В. Сталин) периода феодальной раздробленности, крупным княжествам удельной поры.

Подобно тому как «Русь», единое Русское государство, уступило свое место отдельным «самостоятельным полугосударствам» — княжествам, так и складывающееся единство русского народа киевской поры уступает свое место изолированности местных этнических образований восточных славян — населения отдельных «национальных областей» (В. И. Ленин) удельной поры: псковичей и новгородцев, галичан и полочан, нижегородцев и рязанцев.

Не случайно хорошо известное лингвистам, подчас поразительное совпадение границ диалектов русского языка и границ крупных княжеств периода феодальной раздробленности<sup>16</sup>. Псковичи с их особенностями речи (смещение «ч» и «ц», «ш» и «с», «ж» и «з», твердое «р», акание, мена «у» и «в»), «окающие» новгородцы с их особенностями лексики, «акающие» рязанцы, «окающие» но не по-новгородски, «володимерцы» и другие этнографические образования периода феодальной раздробленности составляют население «национальных областей» Руси.

Одновременно идет процесс культурного обособления отдельных русских земель-княжеств, — процесс, хорошо известный искусствоведам, археологам, фольклористам.

Так складываются этнические образования удельной поры — рязанцы и псковичи, москвичи и новгородцы, тверичи и нижегородцы, со своими диалектами, особенностями быта, нравов, обычаев, культуры и т. п.

В данной статье я не останавливаюсь на формировании украинской и белорусской народностей, имевших одного общего с великорусской народностью предка — русский народ киевских времен, и ограничиваюсь лишь вопросами складывания великорусской народности и русской нации.

<sup>15</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 5—67; С. А. Богуславский, Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв., «Ученые записки» МГУ, вып. 118, стр. 3—26; А. С. Орлов, Героические темы древней русской литературы, стр. 3—39; Л. А. Динцес, Историческая общность русского и украинского народного искусства, сб. «Советская этнография», V, 1941; С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода; Е. Истрина, Рецензия на указ. книгу С. П. Обнорского, «Вестник Академии Наук СССР», 1946, № 10.

<sup>16</sup> А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I, стр. 110 и далее.

Объединение Руси, явившееся результатом развития производительных сил и обусловленное необходимостью организации обороны страны от нашествия извне, приводит к объединению этнических образований удельной поры, населения «национальных областей» периода феодальной раздробленности, в единую великорусскую (или русскую) народность (или национальность).

В этой статье вряд ли необходимо говорить о тех процессах, которые привели к созданию русского централизованного государства, великорусского государства. Об этом я в свое время писал в обоих изданиях книги «Образование русского национального государства», в статье, помещенной в порядке полемики в журнале «Вопросы истории»; этому же сюжету была посвящена дискуссия, развернувшаяся на страницах нашего основного исторического журнала<sup>17</sup>. Может быть, стоит только еще раз подчеркнуть, что эти процессы были прежде всего процессами экономического порядка, результатом развития производительных сил, значительно ускорившегося потребностями обороны страны от нашествия извне. В истории северо-восточной и северо-западной Руси указанные явления имели место в XIV—XVI вв.

Чем же они сопровождались в истории восточнославянского мира?

## II

Образование централизованного великорусского государства и формирование великорусской народности сопровождают друг друга и являются различными сторонами одного и того же явления.

Термины «великорусская» народность, «великороссы» («великоруссы») можно заменить терминами «русская народность», «русские», но я сознательно останавливаюсь на термине «великороссы», так как 1) этим самым устраняется возможность смещения русского народа (в этническом значении этого слова) киевских времен и русской народности времен Ивана III, его сына и внука, и 2) термин «великороссы» отнюдь не является «великодержавным». В. И. Ленин одну из своих работ, прямо посвященных интересующей нас проблеме — чувству национального самосознания, так и озаглавил: «О национальной гордости великороссов», и всюду в тексте он употребляет этот термин. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» все время пользуется термином «великороссы».

Каким же путем идет формирование великорусской народности?

Экономическое общение отдельных русских земель, областей и княжеств, политические их связи между собой являются основой образования русской национальности.

Позволю себе сделать одно отступление.

И. В. Сталин терминами «народность» и «национальность» часто пользуется альтернативно. Так, например, в работе «Марксизм и национальный вопрос» он говорит, что «...на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей»<sup>18</sup>, а в докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» указывает, что «...так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство»<sup>19</sup>. Не может быть

<sup>17</sup> См. «Вопросы истории», 1946 г. ст. А. П. Смирнова, И. Н. Смирнова, С. В. Юшкова, К. В. Базилевич, В. В. Мавродина и ст. от редакции.

<sup>18</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

<sup>19</sup> И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1935, стр. 73.

сомнения в том, что в этих двух своих важнейших работах по национальному вопросу И. В. Сталин пользуется терминами «национальность» и «народность» альтернативно, вкладывая в них определенное понятие — этническое образование, предшествующее нации.

Вернемся к высказанной ранее мысли. Постепенно с конца XIV в., начинают падать экономические и политические перегородки, отделявшие одно княжество от другого. Договорные грамоты между князьями пестрят соглашениями — «гостю» «гостить без рубежа» и «мыта держать прежние». Достаточно привести в качестве примера оформлявшие торговые связи грамоты Москвы с Новгородом (1380), с Рязанью (1381) и Тверью (1369 и 1399). Рязанцы все чаще и чаще торгуют в Москве, новгородцы — в Твери, москвичи — в Пскове.

Вместе с ростом влияния великого княжества, с ростом авторитета великого князя, расширяются политические и военно-союзные связи «русского люда» разных княжеств и земель. Постепенное разрушение экономической разобщенности отдельных частей Руси подготавливает объединения русских земель в единый политический организм.

В. И. Ленин указывает: «Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание национального государства. Экономическая необходимость его. Политическая надстройка над экономикой»<sup>20</sup>. Здесь Ленин подчеркивает два момента, определяющие собою сдвиги, происходящие в этническом составе страны в результате «сплочения национальных областей» (т. е. в данном случае в результате объединения русских княжеств в единое русское государство): 1) создание единого языка и 2) национальное пробуждение, т. е. рост национального самосознания.

Язык, по определению В. И. Ленина, есть «важнейшее средство человеческого общения»<sup>21</sup>, это основа этноса, следовательно, создание единого языка является основой формирующейся народности, а позднее и нации. И. В. Сталин, определяя нацию как «устойчивую общность людей», подчеркивает, прежде всего, что одной из характерных черт нации является общность языка<sup>22</sup>.

Как же возникла общность диалектов северо-восточной и северо-западной Руси, общность говоров основной государственной территории централизованного русского государства, общность, которую мы определяем, как основу создания великорусского языка, языка русской национальности, русского языка?

Опираясь на работы И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Б. М. Ляпунова, Н. М. Каринского, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова и Ф. П. Филина, мы можем прийти к следующим выводам.

Феодальная раздробленность изменила и видоизменила, перегруппировала и сгруппировала восточно-славянские диалекты, диалекты русского языка киевской поры. Эти трансформированные диалекты «национальных областей» — земель и княжеств Руси послужили базой складывающихся позднее великорусского, украинского и белорусского языков.

Мы проходим мимо диалектов, послуживших основой формирования украинского и белорусского языков, так как это не входит в нашу задачу, и останавливаемся только на складывании великорусского языка.

Образование великорусского языка происходило на территории древнего Ростово-Суздальского княжества, в междуречье Волги и Оки; питающей средой его явились севернорусские и восточная часть средне-русских диалектов.

<sup>20</sup> В. И. Ленин, Национальный вопрос (тезисы по памяти), «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 62.

<sup>21</sup> В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 428.

<sup>22</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293—294.

Как убедительно показали в указанных выше работах А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и Ф. П. Филин, образование великорусской народности проходило главным образом в средневеликорусской полосе, переходные диалекты населения которой зашли дальше всего в стирании морфологических, фонетических и лексических границ.

С течением времени стержнем, вокруг которого обвивались различные диалекты великорусского языка, точнее — феодально-областные диалекты (тверской, рязанский, нижегородский, псковский, новгородский), становится диалект Москвы, стоявшей на стыке южновеликорусских и северновеликорусских диалектов. Население Москвы одновременно и *окало* по-северновеликорусски и *акало* по-южновеликорусски.

Археологические раскопки последнего времени доказали, что Москва была расположена на территории вятичей, была вятичским городом; эти раскопки дали возможность принять, развить и дополнить предположение А. А. Шахматова о том, что общественные низы Москвы (древнейшее ее вятичское население. — В. М.) *акали*, тогда как феодальная верхушка, пришедшая из Владимира, Суздаля, Ростова, Переяславля, преимущественно *окала* <sup>23</sup>.

И в XIV и даже в XV вв., несмотря на то, что с конца XIV в. Москва возглавляет объединение русских земель, московский диалект является еще только одним из равноправных великорусских диалектов, а не «койнэ». Это вполне понятно, если мы учтем полную или почти полную независимость в ту пору отдельных княжеств и земель в пределах даже такого мощного феодального политического объединения, каким было Великое княжение Владимирское.

Но вот на основе территориальной, т. е. политической, государственной общности, сложившейся в начале XVI в., складывается общность и языковая. Правда, диалектизмы еще очень сильны, они веками сохраняются в деревне, правда, наряду с московским диалектом еще очень распространен диалект новгородский, и только XVII век, этот, по определению В. И. Ленина, «новый период» в истории России, о чем речь будет дальше, сгладит областные диалекты в государственном языке Московской Руси. Но уже в XVI в. московский письменный язык, язык московских «книжных» и приказных людей, отражающий речь народных масс, становится общегосударственным языком, и конкурирующие с ним новгородский и рязанский, наиболее обособленные диалекты, внося свой вклад в великорусский язык, отходят на второй план и с течением времени становятся речью главным образом, или даже почти исключительно, новгородской и рязанской деревни. Московский диалект впитывает в себя феодально-областные диалекты, речь населения «национальных областей», что значительно обогащает его синонимику. Регламентированный и консервативный, заключающий в себе меньше элементов живой речи народа, чем, например, новгородский, московский диалект сохраняет и развивает архаизмы, — признак торжественности, которая только и подобает «Третьему Риму» — Москве.

Со времен Ивана Грозного московский диалект подвергается сильному влиянию южновеликорусской речи. Объяснение этого явления мы находим в реформах Ивана Васильевича. «Перебирая» и «передирая людишек», переселяя их своими указами, перераспределяя землю «служилым людям государевым», Иван Грозный искоренял гнезда «бояр-княжат», разгонял их и переселял вместе с «чада и домочадцы», со всякого рода челядью, и так как гнезда эти лежали сплошным массивом

<sup>23</sup> А. В. Арциховский, Курганы вятичей; М. Н. Тихомиров, Начало Москвы, «Преподавание истории в школе», № 2, 1946 г., стр. 22; его же, Начало возвышения Москвы, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. I, № 3, стр. 101—102; А. А. Шахматов, Указ. соч., стр. 113, 120—121; В. В. Виноградов, Указ. соч., стр. 11.

на о́кающем севере и северо-востоке, а новым хозяином этих земель становился опричник, зачастую вышедший из служилой мелкоты какой-либо южной или юго-западной «украины» Московского государства, то вполне естественно, что сюда, на север, стала проникать и его о́кающая речь, его вокализмы.

В XVII в. московский приказный язык, язык деловой литературы и «книжности» вместе с разговорной живой речью образованных слоев общества, сплетаясь и сливаясь с ней, сближается с так называемым «славяно-русским» литературным языком, дальнейшие судьбы которого уведут его в разряд профессионально-церковного языка.

Живая речь, речь народа, все больше и больше входит в официальный язык, язык письменности. Объяснялось это чувством национальной гордости, столь свойственным русским «книжным» людям, которое побуждало их не сторониться народной речи, а впитывать ее в свой язык.

Вместе с живой народной речью, речью трудящихся масс, всех этих «молодших», «менших», «мизинных» людей, с речью посада и всяких служилых людей «по прибору» да служилой мелкоты, хотя и отбывавшей «службу государеву по отечеству», но мало чем отличавшейся по «достатку» от стрельцов и пушкарей, в письменный язык Москвы вошли областные диалектизмы всяких «земель» и «украин».

Так вырабатывался новый письменный язык, все больше приближающийся к живой разговорной речи средних слоев общества, т. е. тех же служилых, приказных и посадских людей. И эта речь в отдельных случаях становилась одной из форм приказного языка.

Так создавались разные стили языка русской письменности, разные социальные и жанровые диалекты русского национального письменного языка, представлявшие собой видоизмененный московский приказный язык. В XVII в. русский национальный письменный язык вытесняет письменные областные диалекты<sup>24</sup>.

Из сказанного вытекает, что поскольку речь идет о великорусском языке, а язык — основа народности, то этот последний складывается в конце XV—XVI вв. на базе сращения и слияния русских диалектов периода феодальной раздробленности, языков «национальных областей», причем, так как объединение земель северо-востока и северо-запада Руси, т. е. великорусских земель, возглавила Москва, ставшая «стольным градом» русского централизованного государства, то и в основу великорусского письменного языка, все более и более подчиняющего себе разговорные великорусские диалекты и в то же время впитывающего их в себя, была положена московская речь, московский язык деловой литературы.

В XVII в. завершается процесс превращения московского приказного языка, обогащенного живой речью, в общевеликорусский или, что может считаться альтернативой, общерусский язык.

Итак, налицо «общность языка, как одна из характерных черт нации»<sup>25</sup>.

Вторая отличительная черта нации — общность территории.

Вряд ли необходимо доказывать, что в конце XV и начале XVI в. при Иване III и Василии III объединение Руси заканчивается<sup>26</sup>. «Собирание» Руси завершается образованием великорусского государства, быстро идущего по пути централизации, по пути консолидации самодержавного строя. «...в России покорение удельных князей... оконча-

<sup>24</sup> Все эти соображения высказываю, исходя из основных положений указанных выше работ А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и Ф. П. Филина.

<sup>25</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

<sup>26</sup> М. К. Любавский, Образование основной государственной территории великорусской народности.

тельно было закреплено Иваном III», — писал Ф. Энгельс<sup>27</sup>. Общность территории великорусской народности была закреплена успешной объединительной политикой Ивана III и его сына.

К началу объединения русских земель Москвой, точнее ко второй половине XIV в., относится заря национального пробуждения. Искра национального самосознания была только прикрыта неплом княжеских усобиц, удельных порядков и татарского ига. И она возгорелась. Раздуга ее в полмыя Куликовская битва. Гроном прокатился по земле русской звон мечей на поле Куликовом. Первая попытка всенародной борьбы, попытка с оружием в руках сбросить ненавистное татарское иго, сыграла большую роль в развитии национального самосознания<sup>28</sup>. Воспрянул духом русский народ, пробудилось патриотическое чувство. Москва выступила в роли избавительницы Руси от нашествия Мамаю, ее авторитет и популярность в народных массах еще более укрепились и выросли.

Эти симпатии народных масс и заставили новгородскую боярскую знать, враждебную Москве, пойти на уступки новгородским «меньшим», «мизинным людям», «худым мужикам вечникам», восхвалявшим Москву и ее князя за то, что «боронят» его ратные люди «всю землю русскую» «от врага», и вставить в Новгородскую IV летопись пространный рассказ о Куликовской битве, составленный в тоне, благоприятном для Москвы; эти симпатии народных масс заставили Софрония спустя два года после нашествия Мамаю написать в Рязани, князь которой сыграл свою печальную роль в годину Куликовской битвы и «отступил» от Руси, знаменитую «Задонщину», составленную в духе прославления Москвы, грудью вставшей на защиту всей земли русской<sup>29</sup>.

Куликовская битва дала толчок подъему самосознания русских людей и явилась величайшим фактором идеологической подготовки образования великорусской народности и ее государства. Я особо выделяю идеологическую подготовку, так как образование великорусского государства и складывание великорусской народности диктовались процессами экономического, политического и идеологического порядка.

Национальное пробуждение, следовавшее за Куликовской битвой, стимулировало развитие русской культуры. Это последнее идет в ту пору по линии установления общерусских норм и форм, стремления к «живству», отказа от мрачной подавленности предшествующих времен. И наиболее яркое отражение эта тенденция к реализму, к «живству», если речь идет об изобразительном искусстве, нашла в творчестве Андрея Рублева. Естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры и лица, перспектива, светотень, отход от условного, мрачного, появление в живописи повествовательных и психологических моментов, яркость и разнообразие красок — все эти явления, отразившиеся и в творчестве Андрея Рублева, и в новгородской фресковой живописи второй половины XIV в. (Волотов, Ковалев, Федор Стратилат), свидетельствуют о больших переменах в мировоззрении русских людей<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 450.

<sup>28</sup> Термин «национальное самосознание» я применяю в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данной складывающейся национальности (народности), единства ее интересов, психического склада и т. п.

<sup>29</sup> ПСРЛ, т. IV, вып. 2, стр. 313—332; Н. К. Гудзий, Хрестоматия древней русской литературы, стр. 128—126; Д. А. Лыжниц, Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа, «Ученые записки» Ленинградского университета, № 36, Серия историческая, вып. 3.

<sup>30</sup> Д. С. Лихачев, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 17. Не могу согласиться с оценкой, данной М. Н. Тихомировым этой работе Д. С. Лихачева, которого он упрекает в «ограниченном национальном самодовольстве» (см. рецензию М. Н. Тихомирова, опубликованную в журнале «Вопросы истории», № 4, 1947).

Национальное пробуждение времен Дмитрия Донского связано с развитием интереса к прошлому, к истории Руси. Этим объясняется целый ряд реставраций древних архитектурных памятников (Успенский собор во Владимире, собор в Переяславле-Залесском)<sup>31</sup>.

Для русской литературы начала XV в., времени так называемого «второго славянского влияния», характерны лиризм и субъективизм, многословие, «словес плетение», психологизм, попытки показать природу, свойственные гуманизму<sup>32</sup>. Все большее и большее распространение получает музыка, щедро вводимая в церковное богослужение и в быт.

В области летописания очень характерно стремление московских князей и «книжных» людей создать общерусский летописный свод. Областные летописи, летописи князей и княжеств, городов и земель перерабатываются, переоформляются и используются для составления летописи «всей Руси». Эта идеологическая работа московских летописцев «опережала реальный политический рост Москвы»<sup>33</sup>. По выражению А. А. Шахматова, характер московского летописания «свидетельствует об общерусских интересах, о единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникли в политических мечтах московских правителей»<sup>34</sup>.

Первым летописным сводом «всей Руси» был так называемый «Летописец великий русский», составленный в конце XIV в. (по А. А. Шахматову, в 1396 г., по М. Д. Приселкову, в 1389 г.). Но в нем идея общерусского единства еще только намечается. По-настоящему она отразилась в московском летописном своде Киприана 1408 г., в так называемой «Троицкой летописи». Свод Фотия в этом отношении еще ярче, и пронизывающая его идея единства переплетается с отчетливо выступающими демократическими тенденциями, что находит отражение в подчеркивании роли народа, московские посадских людей в обороне своего города («Повесть о нашествии Тохтамыша») <sup>35</sup>.

К середине XV в. складывается русский былинный эпос Киевского цикла с его идеей единства и независимости Руси. Былины, возникавшие в разных местах на основе местного исторического припоминания, сохранявшие лишь туманные воспоминания о древнем единстве киевских времен, вместе с ростом сознания общерусского единства теряют локальные черты и поднимаются до идеи «одиначества» земли, власти и народа, становятся достоянием всего русского народа. «Это объясняется в первую очередь тем, что развитие эпоса самым тесным образом связано с историческими воззрениями народа»<sup>36</sup>. Глубоко прав был Максим Горький, когда писал, что «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно спутствует истории».

Идея единства Руси и русского народа, никогда в нем не умиравшая, хотя и отодвинутая на второй план идеологией «безвременья» удельной поры и сепаратизма княжой «которы» и татарского лихолетья, теперь возрождается на новой основе, в иных экономических и политических условиях, в обстановке иных социальных взаимосвязей, в иные време-

<sup>31</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 75.

<sup>32</sup> Д. С. Лихачев, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 18 и далее; его же, Национальное самосознание древней Руси, стр. 68 и др.;

<sup>33</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 71.

<sup>34</sup> А. А. Шахматов, Общерусские летописные своды XIV—XV вв., ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 91.

<sup>35</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 70—74; его же, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 57—71; его же, Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 173—330; М. Д. Приселков, История русского летописания XI—XV вв., стр. 113—115; А. А. Шахматов, Обзорение русских летописных сводов XIV—XV вв.

<sup>36</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 80.

на, возрождается с новой силой. Носительницей ее становится Москва. И если ранее Тверь и Новгород противопоставляли этой идее свои сепаратистские теории, то с течением времени они сами воспринимают ее и выступают не в роли идейных антиподов стремящейся к единству Москвы, а лишь в качестве ее соперников и конкурентов, вооруженных ее же мечом, принявших ее идеологическое оружие<sup>37</sup>.

Но и в Новгороде, и в Твери растет число приверженцев наиболее последовательной сторонницы единства Руси — Москвы. Это были главным образом мелкие феодалы и посадский люд. Выражением этих настроений основных масс населения Новгорода была и деятельность Упадыша, заклепавшего новгородские пушки, готовые открыть огонь по московскому войску, и идея «Жития Михаила Клопского».

В «Слове» инока Фомы, адресованном тверскому князю Борису Александровичу, мы найдем и идею единства Руси и «одиначества» власти, и идею самодержавия, впервые названного «царской властью». Идеи «Слова» — несомненно, передовые, прогрессивные, но вопрос о том, кто возглавит Русскую землю — Москва или Тверь, был уже решен в пользу Москвы, и в данной конкретной обстановке прогрессивные идеи опоздавшей Твери были лишь помехой на пути победного шествия Москвы, а в скором времени их вековечный спор был решен оружием в пользу Москвы.

Идея национального, русского единства была столь сильна в Москве и так прочно завоевала литературу того времени, так овладела умами образованных русских людей и государственных деятелей Руси, что ее не вытеснили ни теория «Третьего Рима» с ее «блестящим маревом всемирной власти» и «вселенского царства», ни идея Москвы — наследницы Византии, оплота «истинного христианства», столь распространенная в стране со времен брака Ивана III с Софьей Палеолог. Государи Московские были, прежде всего, государями «всей Руси», а не восточнохристианскими монархами призрачного царства; они были «изначала государи на своей земле», и, по выражению Максима Грека, «искали своих», а не добивались престола порфирородных<sup>38</sup>. Не случайно Иван Грозный говорил Поссевино: «Мы верим не в греков, а в Христа». Отсюда, из этого чувства превосходства своего национального, русского, вытекало то различие византийских и русских придворных обычаев, церковных обрядов, те особенности взаимоотношений царя и митрополита, а позднее патриарха, которые недавно вновь напомнил в своей книге Д. С. Лихачев<sup>39</sup>. И изменения в титуле «государя всей Руси», пышность придворного церемониала, гордый и независимый тон русских дипломатических актов времен Ивана III связаны отнюдь не только с женитьбой его на Софье Палеолог, а прежде всего с освобождением от татарского ига, с установлением формальной независимости Руси.

Идея объединения и независимости Руси, идея единства русского народа проявляется во всех сторонах духовной культуры и накладывает на нее неизгладимый отпечаток. Хотя в быту и обычаях, порядках и нравах русских людей разных концов «Матушки Свято-Русь-Земли» остается еще много местного, специфического, но все быстрее и быстрее идет процесс нивелировки. В быт и нравы русских людей разных мест проникают черты быта и нравов ближних и дальних соседей. По всей Русской земле распространяются одинаковые поверья и обычаи,

<sup>37</sup> Там же, стр. 83—94; см. Я. С. Лурье, Роль Твери в создании национального государства, «Ученые записки» Ленинградского университета, № 36, Серия историческая, вып. 3.

<sup>38</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 98—101; В. В. Мавродин, Образование русского национального государства, 1941, стр. 158, 163, 168—171.

<sup>39</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 100—101.

однообразный эпос и т. п. Правда, проследить этот процесс нелегко, и упомянутые явления еще ждут своего исследователя<sup>40</sup>.

Идея единства Русской земли и русского народа отражается и в памятниках материальной культуры. В XV в. происходит объединение различных русских архитектурных направлений и школ, местных архитектурных традиций (псковской, тверской, новгородской) в единое русское зодчество, призванное отныне возводить величественные здания в столице «всей Руси» — Москве. И специфические местные особенности зодчества постепенно уступают свое место общерусским архитектурным нормам, сложившимся с учетом локальных архитектурных стилей. То же можно сказать в отношении изобразительного искусства, художественного ремесла и т. п. Их развитие идет по линии распространения и усиления народных мотивов, по линии объединения и нивелировки, несмотря на сохранение местных особенностей.

Я остановился лишь на некоторых важнейших сторонах развития русской материальной и духовной культуры, на развитии идеи единства, росте национального сознания и самосознания, на некоторых сторонах «национального пробуждения», которое определяет складывание народности. Но и приведенного достаточно, чтобы прийти к выводу, что в конце XV и в XVI в. на Руси устанавливается «общность... психического склада, проявляющегося в общности культуры»<sup>41</sup>.

Вряд ли после всего сказанного стоит доказывать, что в конце XV и в XVI в. на основе общности языка, общности территории, а следовательно, общности политической, государственной, на основе общности психического склада, сказывающейся в общности культуры, складывается великорусская народность, или, что является синонимом, — русская национальность.

Но почему мы не можем говорить по отношению к этому периоду времени о русской нации? Казалось бы, что если налицо ряд признаков, определяющих нацию: общность языка, территории и психического склада, проявляющаяся в общности культуры, то можно говорить о формировании русской нации.

Но, как подчеркивает товарищ Сталин, «ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации»; больше того, «только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию», «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»<sup>42</sup>.

### III

Какой же признак, определяющий собой нацию, отсутствовал на Руси в XV — XVI вв.? «Общность экономической жизни, экономическая связность»<sup>43</sup>.

Еще в XVI в. сохранялись удельные традиции, пережитки феодальной раздробленности, и хотя постепенно ликвидировалась былая экономическая изолированность отдельных русских земель, присущая удельной поре, но попрежнему хозяйство страны определяла недостаточная экономическая связность областей и земель Руси, носивших на себе следы своей бывшей политической независимости и представлявших собой ранее чаще всего «самостоятельные полугосударства». В. И. Ленин говорит об этом времени: «...государство распадалось на отдельные

<sup>40</sup> Д. С. Лихачев, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 130—140 (нужно сказать, что из всех глав указанной книги Д. С. Лихачева эта глава наименее удачная); Ю. М. Соколов, Русский фольклор.

<sup>41</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.

<sup>42</sup> Там же, стр. 297.

<sup>43</sup> Там же, стр. 295.

земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»<sup>44</sup>. И только опричнина Грозного положила конец политическим рудиментам удельной системы и ускорила ликвидацию экономической раздробленности Руси. Все быстрее и быстрее преодолевается хозяйственная замкнутость отдельных областей страны.

Ликвидация политических традиций удельной поры, связанная с деятельностью Ивана Грозного, ликвидация последних уделов (Углицкого, Старицкого) и фактически независимых «отчин» бояр-княжат, способствовала ликвидации экономической раздробленности страны, а преодоление хозяйственной изолированности отдельных областей Руси в результате установления торговых связей подготавливало и ускоряло создание централизованного государства с самодержавной властью во главе, причем в России того времени, как и в других странах Европы «... монархия выступает в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства»<sup>45</sup>. С. В. Бахрушин убедительно показал этот процесс в своей статье «Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI в.», в которой каждый интересующийся этим вопросом найдет достаточное количество материалов и весьма обоснованные выводы<sup>46</sup>.

Настал XVII век. И начался он для русского народа «смутой», «великим московским разорением».

Интервенция и сопутствующее ей «всеконечное разорение», угроза ликвидации национальной независимости Руси вызвали невиданный подъем патриотических чувств. Во «Временниках», в «Повестях» и «Сказаниях» о «Смутном времени» резко порицаются «разность» и «несогласия» среди русских людей, «нестроение» на Руси, приведшее к «погибели». Литературные памятники той поры говорят о всенародном, «земском деле», о праве народа и земли, о «всей земле». Они проникнуты сознанием силы народных масс, сознанием значения народа и его интересов в государственной жизни страны<sup>47</sup>. Нет нужды говорить о так называемой «переписке городов», об ополчении Ляпунова, о бесчисленных выступлениях против интервентов, «шишах», о народном ополчении Минина и Пожарского.

Очень силен был толчок, данный развитию национального самосознания русского народа борьбой с польско-шведской интервенцией.

В этой борьбе с бесчисленными «ворогами» проявились и оформились особенности психического склада русского народа — стойкость, мужество, любовь к родине, выдержка, мудрость, дух единства.

В XVII в. происходят изменения в самом русском языке. Отмечается местное, специфическое и, наоборот, концентрируются общерусские национальные элементы. Московский язык деловой литературы, все больше и больше отделяясь от славяно-русского языка, выступает в качестве общенационального. На основе синтеза живой народной речи с ее диалектами, областными и социальными, устного народного творчества, т. е. языка фольклора, государственного письменного языка, т. е. языка деловой литературы, складывается русский язык<sup>48</sup>.

В XVII в. имел место еще один процесс, способствовавший консолидации великороссов и их оформлению, их складыванию в этническое образование более высокой ступени. В. И. Ленин указывает, что «...новый период русской истории (примерно с XVII в.) характеризуется дей-

<sup>44</sup> В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.

<sup>45</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721.

<sup>46</sup> «Ученые записки» Московского университета, История СССР, вып. 87.

<sup>47</sup> Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 112—119.

<sup>48</sup> В. В. Виноградов, Уж. соч., «Русский язык в школе», № 4, 1940.

ствительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»<sup>49</sup>.

Итак, в XVII в. создаются национальные связи и эти связи были прежде всего связями экономическими, торговыми.

Установление национальных связей есть не что иное, как ликвидация «экономической раздробленности», установление «экономической связности» (И. В. Сталин), создание всероссийского рынка, если речь идет об экономике, о народном хозяйстве страны. На базе развития торговых буржуазных связей складывается всероссийский рынок и создаются национальные связи — основа формирующейся нации. Начинается длительный процесс переоформления великорусской народности в русскую нацию, процесс, являющийся следствием установления «экономической общности» как одного из признаков, определяющих нацию, при этом признака весьма существенного<sup>50</sup>. И это вполне понятно, ибо «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму», указывает В. И. Ленин<sup>51</sup>.

Как же складывается русская нация?

«Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»<sup>52</sup>. В России период «поднимающегося капитализма» начинается с середины XVIII столетия.

Два явления в экономическом развитии России этого времени не могут не привлечь к себе внимания: 1) отмена императрицей Елизаветой внутренних таможенных сборов и 2) возникновение капиталистической мануфактуры.

Отмена внутренних таможенных сборов свидетельствовала о давно завершившемся экономическом объединении России; внутренние таможенные сборы к середине XVIII в. были уже архаизмом. 20 декабря 1753 г. по предложению Петра Шувалова Елизавета повелевает «все таможи, имеющиеся внутри государства, кроме торговых и пограничных, уничтожить...»<sup>53</sup>.

Торгово-хозяйственное слияние Украины и России, хозяйственное освоение Сибири на началах тесной экономической связи с Россией, прокладка тракта через всю Сибирь (Охотский тракт), развитие и перестройка ярмарок, торги и кредит, торговое законодательство и судопроизводство, коммерческое образование и купеческий банк («Банк для поправления при Санктпетербургском порте коммерции и купечества», учрежденный в 1754 г., возникший в 1757 г. «Медный банк»), купеческие фирмы и векселя — все это говорит об объединении местных рынков в один всероссийский рынок и об успешном и быстром развитии последнего<sup>54</sup>. Корни этого явления уходят в XVII, даже в XVI в. так же точно, как истоки капиталистической мануфактуры в России — крестьянские кустарные промыслы XVI—XVII вв.<sup>55</sup>.

<sup>49</sup> В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.

<sup>50</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 295.

<sup>51</sup> В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 371.

<sup>52</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

<sup>53</sup> И. М. Кулишер, История русской торговли, стр. 235.

<sup>54</sup> Там же, стр. 244—247.

<sup>55</sup> В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 298—352.

В своей работе «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в.» Н. Л. Рубинштейн убедительно показал, как в недрах крепостной системы из бесправных крепостных крестьян-кустарей вырастают капиталисты-предприниматели, эксплуатирующие в своей «светелке» крестьян-оброчников, нанимающихся к ним для того, чтобы уплатить барину оброк и кое-как прожить. Таковы все эти крепостные крестьяне-фабриканты середины XVIII в. — Алексеевы, Грачевы, Бурылины, Бутрымовы и др. Тогда же возникает купеческая капиталистическая мануфактура, основанная на наемном труде (Зимины, Баташевы, Мосоловы, Турчаниновы, Сериковы и др.)<sup>56</sup>.

Нет никакого сомнения в том, что середину XVIII в. мы можем назвать зарей капитализма в России. Установление общности экономической жизни, развитие на этой основе национальных связей, развитие общественных связей не может не отразиться на языке. Продолжается создание, укрепление и внедрение единых норм русского языка. Вопрос о его нормализации поставил Тредиаковский, но серьезно принялся за разрешение этого вопроса только Ломоносов. Засоренный Петром иностранными словами и им же, правда, не очень успешно очищаемый от «чужеземных словес», русский язык продолжает очищаться Ломоносовым, призывавшим к «рассудительному употреблению чисто российского языка». Это было и следствием и условием «полной победы товарного производства», так как для последней «необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»<sup>57</sup>. Это сплочение началось давно, еще в XV в., но экономически завершилось оно лишь в XVII—XVIII вв., вызвав соответствующую эволюцию русского языка.

По пути Ломоносова пошел Сумароков, изгонявший из русского литературного языка диалектизмы, «подъяческую речь», галломанию. Постепенно исчезает деление русской речи на языки «виршей» и од, приказных грамот и разговора. Единый русский язык утверждается в поэзии и науке.

Итак, в середине XVIII в. окончательно складывается «общность экономической жизни, экономическая связность» (И. В. Сталин), т. е. тот признак нации, который отсутствовал в те времена, когда уже существовали другие, когда формировалась великорусская народность, тот признак, отсутствие которого определяло великороссов предшествующего периода не как нацию, а как народность.

Теперь все признаки нации налицо.

Все сказанное дает мне право полагать, что в середине XVIII в., на заре капитализма в России, складывается русская нация — «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»<sup>58</sup>.

<sup>56</sup> Н. Л. Рубинштейн, Указ. соч., «Ученые записки» Московского университета, вып. 87, История СССР.

<sup>57</sup> В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 428.

<sup>58</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.